

УДК 808.1

СЛОВА-СИГНАЛЫ КАК ВЫРАЗИТЕЛИ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В ПОВЕСТИ Л. Е. УЛИЦКОЙ «СКВОЗНАЯ ЛИНИЯ»

В. С. Вуколова

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Рецензент д-р филол. наук, профессор И. М. Попова

Ключевые слова и фразы: библейские параллели; интертекст античной литературы; мутация духовных понятий; пародирование; символика; скрытые смыслы; слова-знаки; текстовая игра.

Аннотация: Проведен анализ идейно-художественного содержания повести Л. Е. Улицкой «Сквозная линия» с позиции расшифровки слов-сигналов, помещенных в авторскую преамбулу произведения и его финальную часть. Выявлена логика сюжетосложения повести; выяснено целеполагание автора произведения; определены его основная идея и система образов; описан прием авторской провокации читателя посредством текстовой игры с дальнейшим опровержением ложных посылов трактовки образов персонажей, характеризующих духовный кризис эпохи 90-х годов XX века.

Текстовая игра, отличающая стиль произведений Л. Е. Улицкой, обнаруживает себя повсеместно на различных уровнях (переработка классической темы, использование элементов «известного» сюжета, явная и скрытая цитация хрестоматийных произведений, аллюзии, парафразы, стилизованное заимствование, подражание, пародия).

Цитатное сознание героев зачастую воссоздается Л. Е. Улицкой как диалог с предшествующей литературой, о чем свидетельствуют особые образы-знаки или слова-сигналы. Между тем, принимая во внимание разностороннее образование Людмилы Улицкой, точнее, говоря словами К. Роткирх, «объективную растворенность ее субъективного сознания в культурной традиции», можно с уверенностью предположить, что апел-

Вуколова Варвара Сергеевна – аспирант кафедры «Русская филология», e-mail: kafedraruss@mail.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

ляция писательницы к текстам предшественников в значительной мере является результатом подсознательной «вторичности, порождающей сквозную литературность» (М. Липовицкий) ее прозы [1].

Хотя повесть «Сквозная линия» [2] не отличается избытком интертекстуальных связей, но тем не менее авторская интенция не может быть достоверно описана без расшифровки слов-сигналов, ориентированных на библейские контексты, данные в преамбуле и финале произведения. Прав В. И. Тюпа, что концепция произведения «представляет собой истолкование смысла <...> смыслополагание или смыслооткровение. Эта интеллектуальная операция в отношении произведений искусства, обычно именуемая интерпретацией, может быть сведена к объяснению, какое концептуальное значение данное слово имеет» [3].

В одном из интервью Л. Е. Улицкая сделала важное для понимания ее творческого своеобразия признание: «По образованию я генетик. В каком-то смысле я и не поменяла профессию, сменила только методику и инструментарий исследования» [1].

Повесть «Сквозная линия» представляет собой скрупулезный «научно-художественный» анализ причин лжи. В начале противопоставлена «крупная мужская ложь» (слово Каина) и «милое женское вранье», в котором не усматривается никакого «смысла-умысла, и даже корысти» [2]. В преамбуле автор вспоминает античную «царственную пару»: Одиссея и Пенелопу как образчик гендерных признаков одного из человеческих пороков – обмана. Повествователь заявляет, что Пенелопа – это «простодушная обманщица», поскольку проявляет «глупое женское упрямство» [2]. Здесь чувствуется литературная провокация. Ведь на самом деле героиня античного эпоса лжет во благо: соблюдает верность любимому мужу и отстаивает свою честь, отбиваясь от женихов.

Кажется, что повествователь дает современную трактовку античного сюжета с позиций циничного отношения большей части молодежи к традиционным семейным ценностям. На эту мысль наталкивает известное высказывание Л. Е. Улицкой: «Семья как мир, семья как космос ... и наследственность социальная идет через семью, через моральное влияние, через воспитание. А институт семьи, как и институт брака, претерпевает серьезный кризис...» [4]. В связи с этим Одиссей выступает в трактовке автора как «великий лжец, авантюрист, оболъститель». Он «вписан в память народов – как великий конструктор и архитектор умной лжи» [2], а не национальный древнегреческий герой.

Женская ложь объявляется «беспричинной», что настойчиво в нескольких вариантах опровергается последующим повествованием. Л. Е. Улицкая пишет: «Женщины лгут вскользь, невзначай, бесцельно, страстно, внезапно, исподволь, непоследовательно, отчаянно, совершенно беспричинно. Расчету, корысти, запланированной интриге здесь места нет. Только песня, сказка, загадка. Но загадка без отгадки. Женская ложь – явление природы». Заявляя так, повествователь предлагает «небольшое художественное исследование этой проблемы» [2].

В конце преамбулы повести «Сквозная линия» дано первое слово-сигнал: ложь – это болезнь, эпидемия современного общества. В середине произведения возникает второе слово-знак: автор конкретно обозначает время «художественного исследования лжи»: девятностые годы прошлого

столетия, когда произошел «крах трех больших китов или слонов», или трех источников – трех составных частей «кое-как организованной жизни», когда «сама Божественная Троица закачалась. И многие люди начали тонуть» [2].

Два выражения: «эпидемия лжи» и «Троица закачалась» – служат для понимания сущности исторического прогресса: и в языческие эпохи, и в эру христианской нравственности человечество не меняет своей греховной сущности, причем самое тяжелое социальное бремя, по мнению автора, лежит на женщине, которая вынуждена лгать, чтобы физически выжить в бездуховном пространстве социума. Для понимания идейного смысла повести очень важно следующее высказывание писательницы в одном из ее эссе: «Соблазнение Адама через Еву сатаной – очень стойкий знак, укорененный в сознании современного человека. Наверное, правильное было бы сказать: в подсознании» [4].

Греховность женщины стала притчей во языцех, но Л. Е. Улицкая видит ее причину в зависимости и незащитности женщины перед лицом жизненных обстоятельств.

В эссе «Лилит, Медея и нечто новое» Улицкая проводит сопоставление женской природы в древности и в современном мире и делает парадоксальный вывод: «Исчерпалась, полностью износилась мифология: где Лилит? Где Медея? Темная и таинственная аура растворилась – нет злой волшебницы, но нет и прекрасной Елены...» [4]. Все в женской натуре нивелировано.

Ложь имеет веские причины: женщины потеряли духовные ориентиры в циничном мужском жестоком мире, потому что они стали равноправными, образованными.

Образованная женщина – это существо иного порядка. Она ищет выход из безвыходной жизненной ситуации и тем самым зачастую опускается «на дно ада».

Юная героиня из главы «Конец сюжета», носящая имя Ляля, тоже мечтает о любви жертвенной, всеохватывающей, и ее ложь – вербальная реализация этой мечты. Девочка не понимает, что связь с женатым сорокалетним мужчиной – бездуховный физиологический порыв; она не знает, что есть целомудрие, которое дает возможность сделать мечту явью.

Во второй части повести «Брат Юрочка» дан авторский ответ Ляле: это «Надька», которая кажется «сладострастной маленькой хищницей» [2], на самом деле отличается правдивой целомудренной натурой. Одинокая, брошенная «зарабатывающей в Москве» матерью, Надя мечтает о родной душе. И зная, что у нее есть старший брат от первого брака отца, приписывает ему все свои творческие успехи и достижения. Здесь ложь – это реализация мечты о родном духовно близком человеке, который должен быть обязательно рядом.

Не случайно дочка Ляли повторяет судьбу матери: если Ляля, в тридцать лет сочиняя ложь как мечту о любви к художнику, мечтала о безумном романе с двоюродным дядей, то четырехлетняя дочка Ляльки заявляет, что она принцесса, мечтая о необыкновенно ложной красивой любви.

Разгадка ложности держится в концовке главы. Автор повести показывает чудовищную ложь в жизни юной девочки, зрелой женщины и почтенной старушки; исследует последствия лжи в женских натурах разных

национальностей и социальных слоев, выявляет различные причины и мотивировки этого порока.

Героиня-повествователь Женя в сложный период своей жизни, встретив англичанку, испытала «восхищение и восторг» перед новой знакомой по имени Айрин. И Айрин подыграла, увеличив интерес к себе ложью о смертях своих детей, якобы выбрав Женю («одну на свете») для откровения всей своей жизни. Женя сопоставила все якобы пережитое Айрин со своими проблемами и с жизнью Анны Карениной из романа Л. Н. Толстого и поняла, что «все это мелочи» [2]. Айрин своей ложью обворожила Женю, придала себе ореол трагической фигуры, мученицы, потерявшей любимых детей и мужа, но не утратившей интереса к жизни. Здесь показано использование лжи для подпитки гордыни, для манипулирования людьми в целях создания своего необыкновенного имиджа: Айрин – англичанка, европейский вариант женщины, гордящейся «рекордами жизни» во всем, выросшей в соревновательном духе, в достижении цели быть лучше других.

Айрин не думала, что духовно убивает своей ложью Женю. Реакция Жени: чувство выпотрошенности. Она переживает двойную душевную драму: одна была «от потраченного зазря сострадания к гениально выдуманному и бесчеловечно убитым детям. Вторая – обида за себя самое, глупого кролика, над которым совершили бессмысленный опыт. Или смысл какой-то был, но недоступный пониманию...» [2].

Неотступно стоял вопрос: «Зачем она их всех убила? Особенно Диану...» [2]. Диану – голубоглазую нежную девочку, которую Женя полюбила и смерть которой пережила как собственное родительское горе.

«Троица закачалась», человечество, даже более духовно одаренная ее часть – женщина, без Бога чувствует себя «волком», который должен быть обязательно в чем-то сильнее других.

Началась тотальная «эпидемия лжи», что показывается в следующей, четвертой главе повести «Сквозная линия», названной автором «Явление природы». Животные инстинкты, греховная природа современного человека толкает его на кощунственную ложь ради подпитки гордыни. Пример этому поведение пожилого профессора «второстепенного вуза» Анны Вениаминовны. Ее кощунственный обман доверившейся ей и принявшей ее за идеал интеллигентного человека студентки Маши потрясает. Анна Вениаминовна выдает стихи поэтов серебряного века за свои, читая их искренне ей верившей Маше.

Эта ложь для поднятия собственного престижа. «Кто же не писал стихов в юности» [2], – говоря так, Анна Вениаминовна специально не давала Маше книг из своей библиотеки, зная, что девочка необразована в области литературы. Маша «не знала, что этот легкий диалог, как и стихи – фрагмент длинной культуры», – иронизирует повествователь [2].

Женя знает, что «Анна Вениаминовна была очень непростым человеком с большими амбициями и в каком-то смысле несостоявшимся» [2]. И обманутая, опозоренная Маша, после смерти профессорши решившая ее прославить, недоумеваает: «Она была первым интеллигентным человеком, которого я в жизни встретила... Она мне открыла такой мир... и кинула... просто кинула...» [2].

«Может быть, Анне Вениаминовне захотелось хоть единожды в жизни ощутить то, что переживает и великий поэт, и самый ничтожный графоман, когда читает свои стихи перед публикой и ощущает ответные эмоции в податливых и простодушных сердцах?» – задает вопрос повествователь [2]. Но Маша понимает, что причина лжи в игре гордыни, жертвой которой и стала юная неопытная почитательница русской литературы.

Кульминационным звеном «научно-художественного исследования лжи» в «Сквозной линии», несомненно, является финальная часть повести с оксюморонным смыслом заглавия «Счастливым случаем», в которой развернута драма русских проституток, работающих в Европе после развала Советского Союза. Жизнь этих русских женщин – сплошная ложь, прикрывающая трагедию, которую они скрывают от мира и от себя, маскирующая «безысходность», которая просит «выхода» в надежду на пристойный брак и достойную жизнь.

Исключительный «Счастливый случай» описан в жизни Людмилы: выход проститутки замуж, но он оказывается таким же несчастьем, прикрытой циничной продажей своего тела под давлением так называемого мужа – потомственного банкира.

Начало девяностых годов XX столетия, названное автором повести «крахом всех составных частей кое-как организованной жизни, когда догматика дала такую трещину, что сама Божественная Троица закачалась», прежде всего обнаружило крах семьи и кризис духовности. Женя, получив «блестящее предложение деликатного свойства» [6], а именно написать сценарий о русских проститутках в Швейцарии, поняла это, едва заглянув в душу поруганных и загнанных в угол женщин.

«Русские девушки самые лучшие... Эта славянская мягкость, тихая женственность» [2], – все осталось, но растлилось и выхолостилось, став обнаженным обманом, пустотой, симулякром, копией западной жизни без любви, но с бесконечным расчетом.

Реальная история жизни проститутки так страшна, что она тщательно скрывается: личной жизни нет, привязанности нет, остались только денежные отношения. Нет института нормальной семьи. Супруги – это только сексуальные партнеры. И душа гибнет в адском пламени. «Жены приличных господ танцевали индийские танцы» [2], специально обучались искусству оболъщения.

Мишель признался: «Ненавижу Швейцарию. Это место, где вообще нет любви. Никакой и никогда. Страна глухих и немых» [2]. А это выражение, взятое из библейского текста, означает дьявольскую основу таких отношений, лукавый цинизм «партнерства» между близкими людьми.

Целомудренная детскость поругана грязным развратом, продажей тела, которое по православной ментальности является «храмом духа», Божьим образом и подобием. Знаменательно, что в проститутке Тамаре подчеркнута детская внешность, трогательность и хрупкость облика: «У Жени прямо дух перехватило от жалости: ей под тридцать, а все еще играет в сказку...» [2].

Отсвет высокой духовной женственности сохраняют все проститутки, особенно Людмила – Зоя. «Бесхитростные лживые рассказы» все проститутки выстраивают в «типовую конструкцию». Получаются приблизительно подлинные истории, в которых сквозит «одна сверхистория, кото-

рая является ключом к разгадке беспредельной лжи: хорошая семья, которую разрушила смерть отца и появление отчима, как в русских сказках про сироток». Все проститутки – «инфантильный человеческий тип, в котором действительно много трогательного...» [2]. Панцирь лжи у них – защитная реакция, чтобы как-то выжить. Лучший пример этого – Люда – столичная женщина, якобы из «хорошего круга, вроде дедушка ее профессор». Она талантливо играет эту роль. И только алкоголизм и наркомания вскрывают этот панцирь.

После рассказа Люды, настоящее имя которой Зоя, следует вывод повествователя: «Такая сучья жизнь. Такая убогая ложь. А правда – еще более убогая» [2].

Это финальное слово-сигнал (убогая ложь – правда) отражает деградацию социального института семьи, брака, милосердной любви в современном глобализированном мире в тяжелейшее рабство женщин

Важно увидеть, что слово-знак «убогий» дано в повести не в первоначальном позитивном смысле: человек с физическим недостатком, но наделенный Благодатными духовными дарами, такими как глубокая вера, прозорливость, чудотворение и др., а в негативном смысле, полностью противоположном первичному, которым слово было наделено в конце XIX – начале XX века.

Искажение смысла слова, его уродливая мутация говорят о потере духовных ориентиров человечеством, что является следствием кризиса семейных и брачных отношений в наше время.

Справедливо мнение А. С. Шишкова, что «кто даст себе труд войти в неизмеримую глубину языка нашего и каждое слово его отнесет к началу, от которого оно истекает, тот будет больше находить ясных и несомнительных тому доказательств, что мрак исчез и рассеялся» [5].

В Историко-этимологическом словаре современного русского языка дано такое определение слова «убогий» – очень бедный, жалкий, скудный, немощный, увечный; переносное «духовно ограниченный» [6]. Первое определение слова «бедный» от слова «беда».

Толковый словарь современного русского языка под редакцией А. П. Евгеньева также дает основное определение слова «убогий» – «бедный». Но как второе значение отмечает, что убогий – это имеющий недостаток физический, увечье. А третье – недостаточный, неудовлетворительный, несовершенный, недоразвитый. Как переносное значение отмечается: «бедный содержанием, бесцветный, невыразительный, лишенный ума, таланта, духовно ограниченный» [7]. Примерно такие смыслы обнаруживает в слове «убогий» С. И. Ожегов [8], подчеркивая их негативность («ничтожность, скудность, посредственность») и указывая как на устаревший смысл «физический недостаток».

Язык – это «способ человеческого освоения материального мира и духовной действительности <...> форма духовной энергии, проявляющаяся нередко помимо сознания его носителя и оказывающая не только ожидаемые, но и непредвиденные говорящим влияния на окружающий мир» [9]. Нередко слово под воздействием изменения духовного состояния общества приобретает противоположенные смыслы, с искаженным отрицательным смыслом переходит из положительного аксиологического пространства в пространство негативной этики. Такие же метаморфозы

произошли со словами «пошлый», «мракобес», «благо», «нищий» и в том числе «убогий». То, что в послереволюционное атеистическое время звучало как клеймо, есть «перед очами Божиими высшая добродетель», ибо «мудрость мира сего есть безумие перед Богом», – произнес Апостол Павел [9, кор. 3, 19].

Пресловутое слово «убогий» имеет корень Бог и обозначает не ущербность физическую, творческую или духовную, скорее наоборот, в нем запечатлен статус тех, кто изначально, от рождения, на особом счету у Самого Господа. Недаром русская народная пословица гласит: «Не бойся богатого грозы, бойся убогого слезы» [9]. Убогий – тот, кто у Бога!

Но вместе с разрушением православной аксиологии, начавшейся в середине XIX века, многие слова духовной сферы мутировали в сознании определенной части народа.

Таким образом, вольно или невольно, возможно и вопреки желанию автора, соединяются в единую цепь слова-сигналы из преамбулы повести (Троица пошатнулась) и финала (убогая ложь, убогая правда). Лишенный корней православия народ России стал «убогим лжецом» в негативном понимании слова, подменив Божью правду на «убогую правду», созданную греховным человечеством. И гордость России – «женщины русских селений» стали бросать родные места и работать проститутками на Западе ради мифического материального благополучия, растлив свою душу до самого дна.

В результате исследования слов-знаков в повести Л. Е. Улицкой «Сквозная линия» выявляется интенция автора, который в начале спровоцировал текстовой игрой читателей на легковесные выводы о женской беспечности, наивности и мелочной и беспричинной лжи, но словами-знаками указавшего на глубочайшую трагедию русских женщин, лишенных нормальной семьи, отцовской и материнской любви в детстве; изуродованных европейской системой сексуальной свободы (на самом деле секс-рабства); гибнущих в смрадных публичных домах, мечтая «об убогой лжи»: возможности любить и иметь православную верную семью, основанную на милосердии и благодати.

Список литературы

1. Юнгрен, А. Одиннадцать бесед о современной русской прозе. Интервью журналистки Кристины Роткирх с российскими писателями / А. Юнгрен, К. Роткирх. – М. : Новое лит. обозрение, 2009. – 160 с.
2. Улицкая, Л. Е. Сквозная линия : повесть, рассказы / Л. Е. Улицкая. – М. : Эксмо, 2002. – 256 с.
3. Тюпа, В. И. Аналитика художественного : Введ. в литературовед. анализ / В. И. Тюпа. – М. : Лабиринт : РГГУ, 2001. – 192 с.
4. Улицкая, Л. Е. Священный мусор : рассказы, эссе / Л. Е. Улицкая. – М. : АСТ, 2014. – 476 с.
5. Шишков, А. С. Славянорусский корнеслов. Язык наш – древо жизни на земле и отец наречений иных / А. С. Шишков. – СПб. : Издательство Л. С. Яковлевой, 2011. – 415 с.
6. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. Панцирь – Ящур / П. Я. Черных. – 8-е изд. – М. : Рус. яз. Медиа, 2007. – 559 с.
7. Толковый словарь современного русского языка. В 4 т. Т. 4. С – Я / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1999. – 797 с.

8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1985. – 797 с.
9. Ирзабеков, В. Русское солнце. О тайне русского слова / В. Ирзабеков. – М. : Даниловский благовестник, 2007. – 120 с.

References

1. Yunggren A., Rotkirch K. *Odinnadtsat' besed o sovremennoi russkoi proze. Interv'yu zhurnalistki Kristiny Rotkirch s rossiiskimi pisatelyami* (Eleven conversations about contemporary Russian prose. Interview with journalist Christina Rotkirch with Russian writers), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 160 p.
2. Ulitskaya L.E. *Skvoznaya liniya* (Through line), Moscow: Eksmo, 2002, 256 p.
3. Турапа V.I. *Analitika khudozhestvennogo. Vvedenie v literaturovedcheskii analiz* (Analytics feature. Introduction to literary analysis), Moscow: Labirint, RGGU, 2001, 192 p.
4. Ulitskaya L.E. *Svyashchennyi musor* (Sacred trash), Moscow: AST, 2014, 476 p.
5. Shishkov A.S. *Slavyanorusskii korneslov. Yazyk nash – drevo zhizni na zemle i otets narechenii inykh* (Slavyanorussky korneslov. Our language – the tree of life on earth and the father of naming other), St. Petersburg: Izdatel'stvo L.S. Yakovlevoi, 2011, 415 p.
6. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* (Historical and etymological dictionary of modern Russian), vol. 2 of 2, Moscow: Russkii yazyk Media, 2007, 559 p.
7. Evgen'eva A.P. (Ed.) *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* (The explanatory dictionary of modern Russian), vol. 4 of 4, Moscow: Russkii yazyk, 1999, 797 p.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (Ed.) *Slovar' russkogo yazyka* (Russian dictionary), Moscow: Russkii yazyk, 1985, 797 p.
9. Irzabekov V. *Russkoe solntse. O taine russkogo slova* (Russian sun. On the secret of the Russian word), Moscow: Danilovskii blagovestnik, 2007, 120 p.

Symbolic Words as a Way of Expressing the Author's Intention in L. I. Ulitskaya's Story "Through Line"

V. S. Vukolova

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: Biblical parallels; implications; intertext of ancient literature; mimicking; mutation of spiritual concepts; symbolic words; symbolism; text play.

Abstract: The paper analyzes ideological and artistic content in L. I. Ulitskaya's story "Through Line" from the perspective of decoding the writer's symbolic words in the initial and final parts of the story. The plot development, the author's intentions, the main idea, the system of images were studied; the author's technique of provoking readers through the text play with further denial of false clues for interpreting the characters going through the spiritual crisis of the 1990s was described.

© В. С. Вуколова, 2014

Статья поступила в редакцию 29.09.2014 г.